

Мапу Соуер

Deao Begomoi

Об авторе

Творческий псевдоним: Мари Сойер

Настоящее имя: Мария Потапова

Родилась в Москве в 1992г. Детство и большая часть юности пришлось на то время, когда девяностые уже стали двухтысячными. Железный занавес давно сняли, а «Закона о защите чувств верующих» еще не придумали. Именно поэтому, я свободно увлекалась различного рода философией, в том числе философией А.Лавя, не боясь кого-либо обидеть или оскорбить.

В 2012 году закончила Колледж Автоматизации и Информационных технологий №20, поступила в Московский Институт Инженеров Транспорта (МИИТ).

Занималась верховой ездой, исторической реконструкцией. Некоторое время увлекалась оккультизмом.

Свой первый рассказ я написала, когда мне было около десяти лет. В шестнадцать, я уже закончила писать роман «История одной Ведьмы», который позже был переименован в «Дело Ведьмы». Именно с таким названием роман и был опубликован впоследствии.

Все мои произведения отличаются легким, ироничным сюжетом, в котором высмеиваются пороки современного общества: лень, продажность, фанатизм и многое другое. Я – единственный правообладатель своих книг, и это позволяет мне писать то, что я хочу, а не то, что мне диктует издатель.

Вы легко можете связаться со мной по электронной почте mail@mari-sawyer или в социальных сетях, а также через мой официальный сайт www.mari-sawyer.ru Я рада любому общению и сотрудничеству.

Пролог

Она родилась и выросла в небольшой деревеньке, расположенной в английской провинции. Её отец был священником, а мать – учительницей в небольшой приходской школе. Девочка появилась на свет в конце октября, в День всех Святых. Рыжеволосая и зеленоглазая, она получила имя Ванда, в честь своей прабабки, на всю паству славившуюся красотой и якобы обладавшую какими-то сверхъестественными способностями.

Девочка не была послушным и тихим ребёнком. С самого детства она обожала лошадей и превосходно ездил верхом. В будущем же она должна была стать самой красивой девушкой во всём приходе, и это очень огорчало родителей, ведь в день её совершеннолетия она должна была поступить в услужение в монастырь Святого Патрика и провести там остаток своих дней, лишённая любого развлечения и даже надежды на брак. Конечно же, матери нелегко было решиться на такую незавидную судьбу для юной красавицы, но у неё не оставалось выбора.

Прабабка Ванды слыла ведьмой и, умирая, завещала, что правнучка будет названа её именем и в день своего совершеннолетия унаследует всю её силу. Предсказание усопшей старухи начало сбываться сразу после рождения девочки. Ребёнка щадили все болезни, она быстрее сверстников начала ходить, а в пять лет забралась на лошадь, которая до этого считалась дикой и так и не позволила сесть в седло самым лучшим наездникам.

Но самой страшной бедой для родителей было то, что Ванда и минуты не могла находиться в церкви. Девочку даже не смогли окрестить. Едва священник начал читать молитву, лицо девочки исказилось, а на

теле появились глубокие кровоточащие царапины. Но на удивление, стоило только вынести истекавшего кровью ребёнка из церкви, как все царапины затянулись.

По деревне пошла дурная слава, будто бы Ванда – плод греховной связи своей матери с сатаной...

Глава 1

Пятнадцать лет спустя...

— Ванда, принеси воды и не смей тащить в дом эту отвратительную чёрную кошку!

— Да, мама, конечно! Сейчас принесу!

Ванда отпустила чёрного котёнка, подобранного на кладбище, схватила ведро и побежала к колодцу. Принесла воды, она вылила её в кадуюшку и снова взяла котёнка на руки.

— Мама, а можно он останется у нас? Он же совсем-совсем маленький. Его мать разодрали собаки, а он сам умирал на погосте от голода!

— Ну что мне с тобой делать! Хорошо, он останется, но только позволь узнать, что ты опять делала на кладбище?

— Я искала могилу прабабушки Ванды, в деревне говорят, что я очень похожа на неё и что она тоже родилась, выросла и умерла здесь.

Эти на первый взгляд простые слова окончательно вывели из себя мать, и она со всей силы схватила дочь за волосы, выдрав роскошную рыжую прядь.

— Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не смела ходить на кладбище и искать могилу этой чокнутой старухи? Всё равно ты её не найдёшь! Ведьм не хоронят на общем погосте!

Произнеся эти слова, Парвати (так звали мать Ванды) спохватилась, что сказала лишнее, но было уже поздно: Ванда, забыв о боли от потери прядки волос, внимательно вслушивалась в то, что произнесла мать.

— Значит, в деревне говорят правду о том, что моя прабабушка была колдуньей?

— Конечно, нет, — начала успокаивать дочь Парвати, — просто она была немного странной женщиной, и поэтому в деревне о ней сложилась дурная слава.

— Почему же дурная? Что плохого быть ведьмой?

— Как ты смеешь так говорить, дьявольское отродье! — заорал отец, стоявший за деревянной стенкой и слышавший каждое слово. Он быстро подошел к дочери и с размаху ударил её. Девушка упала, но едва она поднялась на ноги и стёрла с разбитой губы кровь, как отец схватил её в охапку и бросил в подвал, после чего надёжно запер дверь, повесив замок. — Ничего через три года ты отправишься в монастырь, там из тебя выбьют всю эту глупость не молитвами, так розгами!

— Я никуда не поеду! Слышишь, я никуда не поеду! Идите к чёрту вместе со своим монастырем и всеми святыми! — сквозь слёзы закричала Ванда и лишилась чувств.

— Да куда ты денешься, поедешь как миленькая! — закричал отец в ответ, но дочь его уже не слышала.

Она очнулась несколько часов спустя. Пульсирующей болью в голове билась одна единственная мысль: БЕЖАТЬ!!! Бежать прямо сейчас, захватив только несколько золотых монет и найденного котёнка. Да, да она сейчас очень тихо выйдет отсюда, прокрадётся в свою комнату, возьмёт все свои сбережения,

наденет дорожный плащ, пройдёт в конюшню, оседлает чёрного, как смоль, жеребца Блейка и ускачет далеко-далеко отсюда, навсегда. Девушка подошла к двери и попыталась открыть ее. С другой стороны ехидно забренчал замок.

— О нет! Они меня заперли! Думаете, это меня остановит? Да я лучше слохну, чем пойду в ваш монастырь! — уныло застонала она.

Девушка остервенело била кулаками в дверь, пытаясь если не сбить замок, то хотя бы не дать спать родителям-извергам. Наконец по коридору забухали тяжёлые отцовские шаги.

— Ну что, ты так и будешь там сидеть или хочешь выйти?

Ответа не последовало.

— Ну, как хочешь, я уже намеревался тебя выпустить.

— Отец, откройте дверь, выпустите меня, — скорбно произнесла Ванда.

— То-то же. Хорошо, я тебя выпущу, но ты пообещаешь мне, что дальнейших проблем с твоим поведением у нас не будет, а через три года ты, подчинившись родительской воле, поедешь в монастырь Святого Патрика.

— Конечно, отец, как вам будет угодно.

Ключ заворочался в замке, дверь отворилась. Девушка поплелась в свою комнату, смиренно опустив глаза и вызывая довольное хмыканье одного из родителей.

Дойдя до комнаты, Ванда поклонилась и, пожелав ему и матери спокойной ночи, зашла к себе. Закрыв за собой дверь и устало опустившись на кровать, она истерически разрыдалась.

— Размечтались. Да, проблем с моим поведением у вас больше не будет, и я обещаю, что уеду, но не через три года, а сейчас, и не в монастырь, а к тётке Фелиции, которая, наверное, единственная, ?? кто понимает меня.

Она встала, открыла шкаф, взяла несколько пар чулок, два платья, десять фунтов (это были все деньги, которые она сумела скопить), сунула всё это в заплечный мешок, взяла на руки котёнка и очень тихо, чтобы не разбудить родителей, пошла на кухню. Там девушка положила в мешок бутылку молока, несколько толстых ломтей хлеба, большой кусок масла и полголовы сыра. Потом она по-кошачьи прокралась на конюшню, оседлала Блейка, надела дорожный плащ, снятый с гвоздя, отворила тяжёлые ворота, вскочила на жеребца и, пустив его во весь опор, ускакала...

Шесть часов спустя Ванда остановила лошадь у дверей небольшого домика, в котором жила двоюродная сестра её матери, Фелиция.

Спрыгнув с лошади и подойдя к двери, она тихонько постучала. Ответа не последовало, тогда девушка толкнула дверь, и та, на удивление, открылась.

— Тётя Фелиция, вы дома? Это ваша племянница Ванда.

Молчание производило впечатление какой-то давящей тревоги.

— Тётя Фелиция, где вы?

Ванда очень последовательно, комната за комнатой, обошла весь дом, но, так никого и не обнаружив, решила спросить о тёте у соседей. Она обошла несколько домов, но либо никто ничего не знал, либо дверь просто не открывали. В отчаянии девушка вернулась в дом, принадлежащий тётке, зажгла стоящую на столе свечу и попыталась рассуждать логически.

— Так, если бы тётя уехала куда-нибудь надолго, она вряд ли бы оставила дверь незапертой. Поэтому стоит ожидать её скорого возвращения.

Она тихо опустилась на кровать, и тяжёлый сон сморил её. Проснулась она от резких мужских криков за окном.

— Эй, люди, давайте вилы, к Фелиции забрались воры!

Ванда, сообразив, что это её приняли за воровку, подбежала к двери, желая вывести людей из заблуждения, сказав, что она не воровка, а племянница Фелиции. Распахнув дверь, она вышла на порог, и резкий свет факелов ударил в глаза...

— Стойте, я не...

Договорить ей не дали. Высокий гориллоподобный мужчина, схватив её за волосы, выволок за порог и бросил на землю. Крестьяне схватились за верёвки и уже предприняли первые попытки, чтобы связать девушку, но властный женский голос остановил их.

— Недотёпы! Что вы делаете? Вы что ли не видите кто это?

— А кто? Кто это?

— Разуйте глаза, увальни! Это же Ванда, моя племянница!

— То есть, она не воровка?

— Если ты назвал воровкой мою племянницу, то назвал воровкой меня! По-твоему, я воровка?

— О нет, конечно же, нет, миледи. Я просто никогда не видел вашу племянницу и поэтому принял её за кого-то другого, простите мне моё невежество, миледи.

— Хватит болтать! Отпустите девочку, и пошли вон отсюда!

Крестьяне отпустили Ванду и поспешно отправились восвояси. Фелиция тем временем, обняв племянницу за плечи, вводила её в дом.

— Здравствуй, Ванда. Какая ты стала красавица, но позволь узнать: что привело тебя ко мне? Дома случилось что-нибудь плохое?

— Да нет, тётушка, просто...

— Ну, — поторопила Фелиция.

— Просто я от них сбежала.

— Как?! — скорее ужаснулась, чем удивилась тётка.

— Понимаешь ли, тётя, они всё время кричат на меня, а в восемнадцать лет хотят отправить меня на услужение в монастырь Святого Патрика, а ещё они утверждают, что моя прабабушка была ведьмой, а я дитя дьявола!

Произнеся эти слова, девушка разрыдалась в голос.

— Ну-ну, не плачь, девочка. Понимаешь ли, в истории твоего детства было немало загадочных происшествий. Взять хотя бы тот случай, когда ты спокойно села на Блейка и поехала на жеребце, считавшемся диким и необъезженным. А та эпидемия оспы, миновавшая тебя и убившая практически всех детей в селении, а те, кто остался жив, получили тяжелые осложнения, однако тебя это миновало. К тому же тебе, наверное, никто не рассказывал о пророчестве твоей прабабушки.

— Ну, я слышала, что когда мне исполнится восемнадцать, я якобы унаследую всю её силу.

— А ты не знаешь, каким образом?

— Нет, мне никто ничего про это не рассказывал. При мне об этом не говорят, а всё, что я узнала, я случайно услышала в деревне или на ярмарке.

— Тогда слушай. Твоя прабабушка была очень необычной женщиной. Можно сказать, она была... ведьмой. Твоя прабабка могла исцелить, а могла и убить человека одним взглядом: необыкновенной силы была колдунья. Но все её беды начались, когда она вышла замуж. Она родила твою бабушку, но ребёнок простудился и должен был умереть. Ванда (твоя прабабка) знала один очень древний способ, как спасти умирающего человека. Она должна была отдать другую жизнь взамен той, которую хотела спасти, и Ванда сделала выбор. Она решила спасти своего ребёнка, убив какого-нибудь из деревни. Она попросила мужа принести любую новорождённую девочку. Он испугался, но поручение всё-таки выполнил. Тогда твоя прабабка, совершив какой-то древний обряд, я точно не знаю какой, убила деревенского ребёнка. Жизнь твоей бабушки была спасена. Однако в дом ворвались родители убитой девочки, Ванду схватили и хотели обвинить в ведовстве, но девушка начала защищаться. В результате погиб отец убитого ребёнка, а мать побежала в деревню и позвала на помощь. Пришли крестьяне с вилами, и твой прадед погиб, защищая свою жену. Ванда сумела спастись. Вынося на руках Амалию (твою бабушку), она побежала куда глаза глядят и через некоторое время добрела до забытого Богом поселения протестантов в лесу. Ванда осталась там, и, пока твоя бабушка была маленькой, она находилась в безопасности. Но однажды на поселение напали. Почти все дома разграбили и сожгли, а твою прабабушку, как и многих других женщин, изнасиловали. Но ей повезло: человек, её опорочивший, вскоре женился на ней. А через девять месяцев Ванда родила мальчика, твоего двоюродного деда и моего отца. Всю свою жизнь Ванда прожила в достатке и полнейшем благополучии, а когда дети выросли, вернулась в родную деревню. Там твоя

бабушка и мой отец выросли, завели семью, родили детей, мой отец увёз меня и маму в это селение, а Амалия осталась жить в одной деревне с матерью. Но у Ванды никак не получалось передать даже часть своего дара дочери, но Амалию это не очень огорчало, ведь она была беременна твоей матерью, моей кузиной Парвати, остальное молодую девушку мало волновало. Сразу же после того, как родилась Парвати, твоя бабушка умерла (у неё были очень тяжелые роды). Ванда воспитывала твою мать, по всем правилам готовя её к принятию колдовской силы. Но одно очень тяжелое обстоятельство помешало осуществиться планам твоей прабабки – Парвати её ненавидела и боялась. Поэтому она и отказалась принять колдовскую силу Ванды. А ты, наверное, знаешь, что сильная ведьма не может умереть, не передав никому своего дара (или проклятья). Когда твоя мать вышла замуж за священника и забеременела тобой, Ванда почувствовала, что её жизнь подходит к концу. Тогда она заключила всю свою силу в книгу и медальон-пентаграмму. Умирая же, Ванда позвала всех к себе всех жителей деревни и сказала, что новорожденная девочка будет очень похожа на неё, ребёнка будут обходить все болезни, но она не сможет даже минуту находиться в церкви. А ещё твоя прабабка предсказала, что ты получишь её имя и всю её силу в день своего совершеннолетия. Теперь ты понимаешь, почему твои родители хотят отправить тебя в монастырь?

— Если честно, то я не понимаю, что плохого быть ведьмой. Ведь я смогла бы лечить людей и...

— Ванда, Ванда, ты, как и твоя прабабушка, считаешь это даром, а твои родители – проклятием. Твой отец священник, и он не потерпит в своём доме ведьму. Ну да ладно. Хватит о плохом. Давай поговорим о том, как тебе найти книгу и медальон, некогда принадлежавшие Ванде, а теперь, ставшие хранилищем её силы.

— А разве твой отец не знает о месте, где они спрятаны?

— Возможно, мой папа и знал об этом, но его самого нет в живых уже много лет: я была твоей ровесницей, когда он погиб, упав с лошади.

— А ты, ты не знаешь?

— Нет, я, к сожалению, не знаю, где она могла их спрятать. Знаю только, что это были разные места. Но, увы, я даже не догадываюсь, какие именно.

— Спасибо, тётя Фелиция. Я не знаю, куда мне теперь ехать, думала, что смогу остаться у тебя, но теперь понимаю, что должна найти книгу и медальон. Именно поэтому я должна уехать.

— Заметь, это твоё решение. И поверь, со временем ты поймёшь, что оно правильное. Я же считаю, что сначала ты должна съездить на могилу Ванды. Почему-то мне кажется, что именно там ты найдёшь ответы на интересующие тебя вопросы.

— Тётя, а можно я останусь до утра? Просто Блейк устал, котёнок хочет есть. Кстати, я так и не придумала, как его назвать. Ты не подскажешь?

— Давай посмотреть.

Она взяла котенка на руки и, прикрыв глаза, начала беззвучно шевелить губами.

— Назови его Найт. Вот увидишь, он сразу же начнёт откликаться.

Она отпустила котёнка на пол и велела Ванде его позвать.

— Найт, Найт, иди сюда, маленький, — ласково позвала девушка. Котёнок сразу же подбежал и стал тереться об её ноги, громко мурлыча.

— Ты, кажется, хотела остаться до утра. Ну что ж, та кровать у стены полностью свободна.

— Спасибо, тётя.

Ванда с помощью Фелиции быстро застелила постель чистым бельём, разделась, юркнула под одеяло и уснула.

Глава 2

Девушка проснулась далеко за полдень. На улице уже разгорелся ещё один солнечный, весёлый денёк. Она вылезла из кровати и, быстро одевшись, начала поиски Фелиции.

— Тётя Фелиция, ты дома?

Ответа не последовало. Тогда Ванда подошла к обеденному столу в надежде, что тётя успела подумать о завтраке. Но увы! Вместо приготовленного завтрака на столе обнаружилась записка: «Доброе утро, Ванда! Я ушла в деревню к молодой роженице. Постараюсь вернуться к обеду и помочь тебе подготовиться к отъезду. Твоя тётя Фелиция».

— Что ж, ни позавтракать, ни уехать пораньше не удалось но, может быть, удастся хотя бы осмотреть местность. Всё-таки я здесь в первый, а может быть, и в последний раз в жизни, — проговорила девушка, сладко потягиваясь. Она неспешно вышла на внутренний дворик и обомлела.

Вокруг дома тёти не было не только забора, но даже и замков. Станным было то, что при этом она не опасалась хранить в доме деньги и ценные вещи. Неужели здесь живут такие честные люди, что никто ничего не пытался украсть? Вряд ли. Наверное, людей останавливает что-то другое, но вот только что? Единственный способ узнать — это спросить об этом у деревенских жителей.

Ванда вышла на улицу и решила пройтись по деревне. Чем дальше девушка шла, тем больше она удивлялась. У всех домов были не только заборы, замки и множество засовов, в нескольких дворах Ванда даже услышала лай злобных сторожевых псов.

Отчего же тётя уходит из дома, оставляя все двери не то что не запертыми, а просто распахнутыми настежь? Беспечность? Да беспечность ли?

Она всё шла и шла, а клубок вопросов затягивался всё туже. Поняв, что, если не распутает его сейчас, то не распутает уже никогда, Ванда остановила проходившую мимо пожилую женщину и спросила:

— Простите, а вы не могли бы рассказать что-нибудь о Фелиции?

— О знахарке?

— Так она считается здесь знахаркой?

— Почему это считается? Фелиция прекрасно лечит любые хвори. А ещё многие говорят, будто бы её бабка была сильной ведьмой, а ей передала часть своего дара.

— Открою вам один секрет: это не так, вернее, не совсем так. Её бабка и в самом деле была ведьмой, но не передала ей даже части своей силы.

— Почему ты так считаешь, глупая девчонка?

— Потому что вся сила покойной Ванды через три года должна перейти ко мне!

— Так ты племянница Фелиции!

— Да, но только не надо об этом никому говорить, я ещё пока не знаю каким образом смогу получить прабабушкину силу. Поэтому не стоит толковать об этом раньше времени.

— Да, да, милое дитя, конечно, ты абсолютно права: не стоит делить шкуру ещё неубитого медведя. Но можно тебя попросить?

— Смотря о чём?

— Если ты всё-таки станешь ведьмой, накажи шерифа, приезжающего сюда за налогами! Он собирает в два раза больше положенного, а тех, кто не хочет отдавать последние гроши, избивает и отбирает у них дочерей. Мою внучку он забрал за долги, а мне теперь приходится побираться, чтобы не остаться без крыши над головой! Накажи его и верни дочерей родителям! Верни мне мою внучку!

Произнеся эту гневную тираду, старушка уткнулась лицом в плечо Ванды и разрыдалась. Девушка не придумала ничего лучшего, чем пригласить старушку домой к тётке Фелиции, накормить и дать ей хоть немного денег. Придя домой, Ванда в первую очередь посмотрела, на месте ли её сбережения. Маленький мешочек с десятью фунтами лежал там, где она его оставила. Девушка растопила печь и, накормив старушку, спросила:

— Сколько требует шериф?

— Да какая разница! – Воскликнула старушка в полнейшем отчаянии. – Мне никогда не собрать такую огромную сумму за такое короткое время!

— Так сколько всё-таки необходимо заплатить?! – почти прокричала Ванда.

— Пять фунтов за налоги и пять фунтов за внучку, итого десять, а у меня нет даже трёх!

Старушка снова зарыдала.

— Когда надо отдавать деньги?

— Завтра, милая, завтра!

Ванда вспомнила то недалёкое время, когда тайком от родителей собирала и копила монетки, потом посмотрела на рыдавшую женщину и, собрав всю свою волю в кулак, произнесла:

— Вам нужно десять фунтов, я дам вам эти деньги. Больше, к сожалению, не могу.

— Откуда ж ты их возьмешь, золотце?

— Я долго копила, но сейчас вам они нужнее, чем мне, возьмите, — проговорив это, она высыпала на стол десять золотых монет, со звоном покотившихся по столу.

— Нет, нет, я не могу их принять, ты копила, а я не могу отнимать последние деньги у ребёнка.

— Берите! Подумайте о вашей внучке! Сколько ей лет?

— Шестнадцать.

— Ну, так подумайте о ней.

Взрыв рыданий, вырвавшихся из груди бедной женщины, до глубины души тронул Ванду, и она решила во что бы то ни стало помочь этой несчастной.

— Спасибо, милая, да благословит тебя Бог!

— Не надо о нём. Бог забыл обо мне сразу после моего рождения.

— Ты не католичка?!

— Нет, мои родители не смогли меня окрестить.

— Почему?

— Видите ли, как только я захожу в церковь, моё тело начинает истекать кровью, а стоит мне выйти из храма, как все шрамы исчезают, боль прекращается, а крови нет и в помине!

— Когда же ты родилась?

— 31 октября, в День всех Святых.

— Тогда получается, что завтра твой день рождения! Ведь сегодня 30 октября и канун Дня всех Святых. Ну что ж, доброе дитя, в деревне мы приготовим для тебя такой праздник, о чем потом всю жизнь помнить будешь!

— Что вы, не стоит, всё равно завтра меня уже здесь не будет, я уеду сегодня вечером.

— Куда это ты поедешь на ночь глядя, уж не на шабаш ли? – старушка, весело погрозив ей пальцем, совсем по-родственному обняла её за плечи. – Даже не думай, завтра в деревне будет праздник, так мы и твой день рождения отметим, кстати, сколько же тебе исполняется?

— Шестнадцать и меня зовут Ванда.

— Всё сходится, всё, как она предсказывала. Ты не пожалеешь, что осталась здесь на пару лишних деньков. Мы умеем благодарить за доброту, вот увидишь, мы, деревенские, в долгу не останемся.

После этих слов старушка встала и быстро ушла, а Ванда, так и не сумев ничего разузнать, взяла на руки Найта и села перед окном. Шестое чувство подсказывало ей, что она не потеряет здесь время даром, а, возможно, даже приблизится к столь желанной цели.

Утро, послужившее для неё началом нового дня, выдалось, не в пример вчерашнему, пасмурное, а холодный, пронизывающий ветер отбивал всяческое желание вылезать из-под тёплого одеяла и выходить на улицу.

Проснувшись, девушка открыла глаза и, не увидев ничего необычного, начала одеваться. Ванда накинула плащ, налила молока в миску Найта и, выйдя на улицу, направилась в сторону конюшни. Прежде она каждый день заходила к жеребцу, но вот уже два дня не навещала любимого скакуна.

— Ну здравствуй, родной, как ты тут? Застоялся, наверное. Ну ничего, ничего, сейчас пойдём на воздух, — ласково проговорила она, открывая денник и выводя лошадь из конюшни.

Ванда с малолетства прекрасно ездил верхом и сейчас, вскочив в седло, погнала коня во весь опор. Ветер, совсем недавно казавшийся холодным, оказался прохладным и приятно освежал лицо. Сделав несколько кругов вокруг деревни, она погнала лошадь по просёлочной дороге прочь от деревни. Девушка неслась навстречу упругому ветру, когда шум повозки остановил её. Она развернулась и, притаившись в тени небольшого леса, стала наблюдать за дорогой. Вскоре её взору предстала повозка, украшенная английским флагом и сверкавшая золотой звездой на деревянном боку.

— Шериф! – воскликнула девушка и, прищипнув коня, поскакала наперерез сборщику налогов. Она должна была предупредить деревенских, чтобы они заперли детей дома и спрятали последние сбережения. Ванда ворвалась в деревню ураганом пыли и цокота копыт.

— Скорее! Скорее! Он едет! Приготовьтесь! – кричала она, на скаку стуча в каждую дверь. Ванда остановилась у дома старушки, которой дала вчера денег и начала громко стучать.— Он приехал, выходите и встречайте внучку! А я скоро вернусь.

Едва девушка всех предупредила, как в деревню вкатилась и остановилась у церквушки повозка шерифа. Спрыгнув с козел, он пошёл по деревне, звоня медным колоколом и возвещая:

— Пора платить налоги!

Все жители понуро плелись к храму, неся кто деньги, а кто мясо, рыбу, сыр, кур, а одна молодая вдова, рыдая, вела породистого скакуна молочно-белого цвета. Шериф же, водрузив свой зад на деревянный табурет, принимал подати и ставил галочки в толстой книге. Ванда, спешившись и взяв в руки повод,

шла к храму в общей толпе. Зрелище, увиденное ею, ужасало своей жестокостью. Вдова, рыдая, протянула поводья шерифу, умоляя:

— Пожалуйста, не убивайте его! Можете запрячь в повозку, пахать на нём, только одного прошу: не убивайте!

— Давай иди, без тебя разберёмся!

Друг за другом прошли все жители. Подошла очередь несчастной женщины, лишившейся внучки. Она подошла к шерифу и, протянув ему десять фунтов, произнесла почти твердым голосом:

— Вот деньги, верни внучку.

— А я, бабуля, передумал! Давай деньги! – проорал монстр, отбирая золотые монеты и бросая их в общий мешок.

— Но ты обещал! Верни мне мою внучку, чудовище! — зарыдала старуха, крепко вцепившись в рукав представителя королевской власти. В ответ на это шериф наотмашь ударил женщину, упавшую на землю. Это была последняя капля, переполнившая терпение Ванды.

— А ты можешь только избивать женщин и отнимать дочерей?

— Что ты сказала, мелкая потаскуха?!

Глаза девушки пылали зелёным ведовским огнем, а разметавшиеся рыжие волосы напоминали языки пламени. Шериф подошёл к ней и попытался ударить, но Ванда, вскочив в седло, ловко подняла жеребца на дыбы. Шериф упал, а девушка, выхватив у него пицаль, опустила коня и медленно произнесла:

— Встань!

Он подчинился, с опаской глядя на дуло пистолета, направленное ему точно в лоб.

— А теперь отпусти девушку.

— К-какую девушку? Не-не знаю я никакой девушки.

— Её внучку!— Ванда указала на женщину, поднимавшуюся с земли.

— Ты что сдурела? Не знаю я никакой внучки!

— В самом деле?— произнесла Ванда, направляя пистолет на замок, висящий на дверце фургона.

— Стой! Не смей! – шериф бросился к ней и попытался остановить, но было уже поздно. Девушка спустила курок, и пуля полетела к цели. Секунду спустя замок упал, дверь открылась, а из фургончика стали вылезать люди, щурясь на тусклый солнечный свет пасмурного дня. Далее произошла долгожданная встреча с родственниками. Ванда молча наблюдала за этой сценой и, почувствовав себя лишней, вскочила в седло и ускакала.

Она остановила лошадь только тогда, когда деревня осталась далеко позади, а гомон радостной встречи затих вдали. Спрыгнув на землю, она села на корточки и зарыдала в голос. Сознание того, что у неё нет семьи, поразило её только сейчас. Но ещё горше было потому, что как только семьи воссоединились, про неё мигом все забыли, ни одна душа не сказала «спасибо», а ведь она немало сделала для того, чтобы всё вышло так, как вышло. Сквозь слёзы она посмотрела на низкое хмурое небо и закричала:

— Ты должна была отдать мне свою силу, так где ты сейчас, где ты, когда ты мне так нужна?!

Не успели слова затихнуть, растворившись в воздухе, как лёгкий порыв ветра тронул её по щеке. Девушка не обратила на это внимания, но порыв ветра повторился снова. Тогда Ванда, недолго думая, вскочила в седло и поскакала в том направлении, в котором он дул. Чем ближе она подъезжала к лесу, тем слабее становился вихрь. Когда она наконец оказалась под сенью многовековых деревьев, дуновение эфира стало почти неощутимым.

Она всё ехала и ехала, но лес не кончался, и ничего интересного тоже не попадалось... Ветер неожиданно стих совсем, и взору девушки открылось заросшее, давно заброшенное кладбище. Ванда догадывалась, зачем она сюда приехала, но для окончательной уверенности она, накинув уздечку на ветку, пошла бродить между надгробиями... Ничто особенное так и не смогло привлечь внимание девушки, но тут она заметила одинокую могилу, расположенную на отшибе кладбища. Ноги сами понесли её туда. Девушка подошла и, оборвав вьюн, густо покрывающий надгробие, прочла: «Ванда Симпсон, 1614–1680».

— Значит, ты прожила 66 лет. Бабушка, ну что, что мне надо сделать, чтобы получить твою силу?

Секунду спустя резкий порыв ветра сломал сухую ветку, мгновенно воткнувшуюся в землю.

— Ты хочешь, чтобы я тебя выкопала? – в голосе девушки зазвучал откровенный ужас.

Ещё одна ветка упала и вонзилась в землю. Это был даже не намёк, это был уже явный приказ копать. Девушка попыталась копать руками, но это не принесло никакого результата. Хотя земля и оказалась на удивление рыхлой, но комья забивались под ногти и приносили жуткую боль.

— Я сейчас, я скоро вернусь, вот только лопату принесу! – прокричала Ванда в пустоту, вскочила в седло и умчалась по направлению к деревне. Добравшись до деревни с наступлением темноты, девушка ворвалась в дом своей тётки, первым делом поинтересовавшись, где можно взять лопату.

— Зачем тебе лопата? На дворе уже давно ночь, и сегодня, если ты не помнишь, твой день рождения и в деревне праздник по случаю Дня всех Святых. И ещё по одной причине, — закончив эту тираду, Фелиция ушла в другую комнату и начала готовиться к празднику. Четверть часа спустя она предстала перед Вандой в абсолютно новом платье из кремового бархата.

— Я бы на твоём месте тоже переоделась, — заметила Фелиция, кивая на перепачканное землёй и заношенное платье Ванды.

— К чему мне это? Я ведь не на праздник собираюсь, — девушка мотнула огненно-рыжими волосами.

— Разве? А по-моему, совсем некстати проводить свой шестнадцатый день рождения, сидя одной дома взаперти.

— Я не знаю, зачем мне туда идти. У меня нет подруг, с которыми можно было бы повеселиться, нет жениха, который бы нежно и преданно меня любил, так зачем мне туда идти?

— Ты права, у тебя нет подруг и никогда их не будет, ты снова права, говоря, что у тебя пока, заметь, я говорю пока, нет жениха, который бы любил тебя нежно и преданно, но у тебя есть много людей, которые очень тебе благодарны и устроили этот праздник специально для тебя.

— Для меня? — в голосе Ванды сквозило неприкрытое удивление.

— Да, для тебя, в этой деревне уже много лет не празднуют День всех Святых. Не празднуют с того времени, когда шериф начал обирать эту несчастную деревню.

— Так на какие же деньги вы это устроили?

— Я думаю, никто не против того, что мы попросили его немного поделиться с нами, — Фелиция лукаво подмигнула и покинула дом. Тяжело вздохнув, Ванда принялась выбирать наряд. У неё имелось несколько платьев, но все они были настолько стары и заношены, что больше походили на погребальный саван, чем на праздничное одеяние. Но поскольку выбора всё равно не было, девушка облачилась в светло-зелёное платье и пошла на улицу искать празднующих. Она огляделась и обратила внимание на то, что для праздника слишком тихо, более того, на улице стояла мёртвая тишина.

Ванда шла по деревне, не понимая, зачем местным и собственной тётке её разыгрывать. Но не успела она дойти до площади, на которой сегодня утром развернулись уже описанные события, как загорелось множество факелов и непонятно откуда заиграла весёлая музыка. Девушка рассеянно бродила среди толпы весёлых и уже чуточку захмелевших людей, не замечая никого и ничего вокруг. Все ее мысли были направлены на поиски повода поскорей покинуть праздник. Она ходила, рассеянно выслушивала поздравления, принимала скромные подарочки в виде печёных яблок или тонкого ломтика мармелада. Бедность этой деревни просто устрашала, но одновременно поражала глубокая благодарность людей, делящихся последним и очень обижающихся, если она отказывалась от нехитрого подарочка. Так и не сумев дождаться конца праздника, Ванда начала пробираться сквозь толпу веселящихся и не замечающих её людей. Наконец, она оказалась на небольшом сравнительно тихом и безлюдном пустыре. Оглядевшись, девушка быстро побежала в сторону дома.

Вернувшись в дом и, быстро схватив лопату, Ванда оседлала жеребца. Пустив коня во весь опор, она добралась до кладбища, когда луна уже довольно ярко освещала надгробия, а часы давно пробили полночь. Девушка опрометью кинулась к могиле своей прабабки и быстро начала копать. Два часа работы не прошли даром, лопата гулко ударилась о крышку гроба.

Ванда попыталась сама вытащить последний приют усопшей. Но сил у молодой девушки для этого не хватало. Оставив попытки вытащить деревянный ящик из могилы, она попыталась открыть крышку. С третьей попытки ей это удалось, крышка гроба послушно открылась.

Ванда перевела дух, откинула огненные пряди со вспотевшего лба и едва не закричала, увидев останки своей родственницы. На обнаженных костях не было ничего, не было останков погребального савана, из всего этого следовал ужасный, кошмарный вывод: усопшую женщину похоронили голой! Девушка самым внимательнейшим образом осмотрела каждый дюйм скелета и гроба и, не обнаружив ничего интересного, уже стала отчаиваться, как вдруг яркая полоска лунного света выхватила четыре трещинки в

бархатной обшивке. Она ощупала небольшие впадинки и поняла, что кто-то устроил тайник в одной из стенок гроба. Пальцы сами собой попытались открыть его, и неожиданно это получилось. Небольшая деревянная дощечка упала на руку, открыв маленькое углубление, в котором лежал серебряный медальон-пентаграмма на тонком кожаном шнурке. Ванда заглянула в тайник ещё раз и обнаружила там записку от своей прабабушки:

«Милая Ванда!!! Вот наконец и настал тот день, когда тебе исполнилось шестнадцать. Если ты читаешь это письмо, значит, ты уже нашла медальон, а через два года ты обретёшь книгу силы, когда-то принадлежавшую мне, и станешь настоящей ведьмой! С днём рождения, и я искренне желаю тебе удачи, а ещё помни, что я тебя очень, очень сильно люблю, и, возможно, мы с тобой когда-нибудь встретимся! Твоя прабабушка, Ванда Симпсон».

Ванда перечитала записку трижды прежде, чем до неё дошёл её смысл. Каким-то образом её прабабка знала, что именно в день своего шестнадцатилетия Ванда придёт на это кладбище, отроет могилу и найдёт медальон и эту записку. Наконец то, во что поверить было не так просто, обрело доказательства. Ванда Симпсон, похороненная здесь, действительно была ведьмой. А это значит, что все слухи были правдивы, и через два года девушка обретет колдовскую книгу, принадлежавшую её прабабке, и сама станет ведьмой. Она надела медальон на шею и побежала к тому месту, где оставила Блейка. Оседлав жеребца, она галопом помчалась по направлению к деревне.

Добравшись до дома, Ванда опрометью бросилась в свою комнату и начала складывать вещи. Она хотела уехать сейчас, пока тётя Фелиция не вернулась с праздника. Объяснить своё желание у неё не получалось. Девушка просто чувствовала, что ей надо бежать отсюда как можно скорее. За все годы жизни интуиция ни разу её не обманула, вот и теперь она слепо доверилась внутреннему чутью. Побросав вещи в заплечный мешок, с которым она приехала, Ванда, схватив своего котёнка Найта, выбежала во двор. Уже садясь в седло, она заметила фигурку Фелиции, возвращавшейся с праздника. Девушка пустила коня во весь опор и умчалась прочь. А местная знахарка так и осталась стоять у крыльца, слушая удаляющийся топот копыт.

Фелиция тихо зашла в дом, зажгла свечу и, подойдя к окну, тихо произнесла в пустоту:

— Ну вот и случилось то, что и должно было случиться...

Ванда удалялась от деревни всё дальше и дальше, при этом думая, что ей делать и куда ехать. Она скакала без остановки до тех пор, пока все населённые пункты, встречавшиеся на её пути, не остались позади. Наконец, она остановилась в лесу и, спрыгнув с седла, села на землю.

— Ну, милые, и что нам теперь делать?— спросила она, рассёдывая коня. — Конечно, вы молчите, вы ведь просто не можете мне ничего сказать, а жаль. Впервые за всё время, когда я ушла из дома, мне ни разу не было так одиноко. Ну почему, объясните мне, почему я убежала из дома тётки? Не знаете? Вот и я не знаю. Может, стоит вернуться и посмотреть, всё ли там в порядке, а если всё хорошо, остаться там ещё ненадолго? Как думаете?

Естественно, Ванда так и не услышала ответа, но приняла решение, что завтра же вернётся в деревню, в которой жила Фелиция, и убедится, что не случилось ничего дурного. Ночь девушка провела без сна. Как только она закрывала глаза, перед ними вставали образы выжженной дотла деревни, а уши явственно слышали стон умирающих. Утром, лишь заслышав далёкий крик петуха, Ванда вскочила, терзаемая дурными предчувствиями. Заседлав коня, она, даже не подумав о завтраке, помчалась в сторону той деревни, которую не так давно спешила покинуть. Даже издали были заметны столбы дыма, поднимавшиеся над деревней.

Когда девушка добралась до деревни, ей открылась ужасающая картина: сгоревшие дома, вырезанный скот, умирающие люди, которые молили о помощи. Ванда ехала вдоль деревни, пытаясь найти кого-нибудь, кто смог бы рассказать ей о том, что здесь произошло. Доехав до церкви, девушка увидела девочку, плакавшую на крыльце. Подойдя к ребёнку, будущая ведьма спросила:

— Ты можешь рассказать о том, что здесь произошло?

Сквозь всхлипы девочка подняла глаза на нее и сдавленно произнесла:

— Нас покарали...

— Кто покарал? За что? Да объясни же ты толком, что здесь произошло?!

— Вчера сюда пришли люди короля и покарали нас за ограбление шерифа... Все дома сожгли, а большинство жителей погибло... Мои мама с папой, они сгорели в доме, они не успели выбежать, а я всё это время была в лесу, и они меня не нашли!..

— А что с Фелицией?! Ты знаешь, что произошло со знахаркой?

Они связали её и увели в город...

— За что?! Зачем? Зачем они увели мою тётю?!

— Они кричали, что она ведьма, а ещё её высекли прутом и заставили идти в город пешком, без обуви...

— Они посмели высечь мою тётю и заставить её идти по камням босиком?!

Ответа Ванда так и не услышала, девочка вновь залилась слезами.

— Прекрати рыдать! – закричала она на ребёнка.

Девочка затравленно вскинула заплаканные глаза, но истерика мгновенно прекратилась.

— Послушай, — уже спокойно продолжила девушка, — у тебя остался кто-нибудь из родственников, у кого бы ты могла жить?

— Нет! – девочка вновь заплакала.

— Хватит! Если тебе некуда идти, ты поедешь со мной, я не могу тебя бросить одну в выжженной деревне! Меня зовут Ванда, а тебя?

— Марта.

— Хорошо, Марта, сейчас мы попытаемся устроить твоим родителям похороны, а потом поедем в город, я не могу позволить сжечь на костре мою тётю, совершенно безосновательно обвинённую в ведовстве.

— Но как же мы сможем похоронить моих родителей, ведь они сгорели, навряд ли от них что-нибудь осталось.

— Ничего, мой отец был священником, и я примерно представляю, как должны проходить проводы в последний путь.

— Как? Как же так?!

— Ну, вначале надо сколотить гроб, потом...

— Да я не об этом!

— А о чём?

— Ты сказала, что твой отец – священник, а ты, ты ведь наследница Ванды Симпсон!

— Откуда ты знаешь?!

— Да здесь все о тебе знают!!!

— Хватит обо мне. Пошли искать останки твоих родителей. Потом поедем в соседний поселок, закажем гроб и панихиду.

Ванда и Марта зашли в то, что совсем недавно было домом, а сейчас представляло огромное пепелище. Кости, сильно обгоревшие и местами потрескавшиеся, обнаружились сразу. Один из скелетов лежал у стены, где, наверное, было окно, а второй рядом с тем местом, где до пожара располагалась дверь. Десятилетняя девочка снова начала плакать, но Ванда не стала её успокаивать, смерть родителей слишком тяжёлое испытание даже для взрослого человека, а для пятилетнего ребенка вообще непосильное, чтобы заставить его держать себя в руках и проявлять мужество. Девушка собственноручно вынесла скелеты, положила их в сени церквушки и, как обычно испытав недомогание, которое всегда проявлялось, когда она находилась около любимых храмов, пошла готовиться к поездке в соседний посёлок. Визит к священнику не принёс ожидаемых результатов...

— Я не буду отпевать двух скелетов, неизвестно когда отправившихся в лучший мир, — именно это говорил Марте священник, вежливо, но весьма настойчиво выпроваживая её за дверь своей монашеской, но отнюдь не скромной обители.

— Ну, и что он сказал? — спросила Ванда, стоявшая на довольно большом расстоянии.

— Он сказал, что не будет заниматься похоронами моих родителей. — Марта стояла, опустив глаза и едва сдерживая слёзы.

— С какой стати! Он — так называемый служитель Господа!

Сейчас она находилась в состоянии, когда ей было всё равно, что будет с ней. Девушка быстро подошла и резким толчком распахнула дверь кельи священнослужителя.

— Что вы себе позволяете? — выкрикнул монах, отрываясь от горлышка и пряча за спину довольно объёмную, содержащую в себе первоклассное монастырское вино, бутылку.

— Почему вы не хотите провести погребальный обряд?

— Ну вот, и вы туда же! Они умерли, не причастившись и не получив отпущения грехов, да и вообще, они умерли не по правилам...

— Значит, теперь уже и умирают по каким-то определённым правилам! А разрешение короля пока не требуется?!

— Нет, разрешение монарха не надобно. Да и вообще, что вам от меня надо?!

— В третий раз повторяю: мне нужно, чтобы вы провели обряд погребения умерших родителей той девочки, которая только что к вам приходила! Неужели вам не жалко ребёнка?!

— Я уже сказал вам, что не собираюсь отпевать двух этих умерших. У меня для этого есть довольно много причин: во-первых: они умерли, не причастившись, во-вторых, не получив отпущения грехов, в-третьих, они умерли не в моей пастве и в-четвёртых...

— ...вам просто не хочется выходить из дома, а хочется остаться здесь и продолжать уничтожать запасы вина!!!

Священник, ничуть не смутившись, продолжил:

— В-четвёртых, из всего этого можно заключить, что Господь не примет души этих людей

— В таком случае, будьте прокляты вы и ваш Господь, не принимающий души людей, искренне любивших его!

— Милая, если бы они действительно любили Господа, они бы не умерли, не причастившись и...

Но Ванда уже не слышала последних слов. Гневно хлопнув дверью, она быстрым шагом направилась к тому месту, где её ждала Марта.

— Ванда, что с тобой случилось?

— Со мной? Со мной всё в порядке, просто немного устала.

— Но твоё лицо и руки...

Девушка заглянула в лужу и увидела, что её лицо, шею и руки покрывают глубокие кровоточащие царапины.

— Марта, принеси молока, — еле слышно прошептала она и лишилась чувств.

Очнулась Ванда два часа спустя на заботливо положенном под голову одеяле. Оглядевшись вокруг, девушка увидела Марту, тихо, но уж очень горько плачущую.

— Что ещё случилось? Почему ты плачешь? — прошептала она плохо слушающимися губами.

— Ванда! Ты жива! — воскликнула Марта и заплакала ещё горше.

— А что? Какой я ещё должна быть? Или вы все уже объявили меня безвременно усопшей?

— Нет-нет! Что ты! Просто ты вернулась вся в крови, потом упала и пролежала так почти весь день, ну... и я подумала...

— Хватит! Я не священник, чтобы слушать твою отповедь!

Ванда поймала на себе недоумённый и обиженный взгляд девочки и, почувствовав резкий укол совести, смягчилась:

— Прости, просто так много пришлось пережить, вот я и не сдержалась, прости ещё раз. Поехали в деревню, нам ещё нужно многое, очень многое сделать...

— Что?

— Ну, похоронить твоих родителей, а потом ехать в город и попытаться помочь Фелиции.

— А как же похороны?! Неужели нам самим придётся сделать это?

— Конечно же, нет, если только ты не хочешь, чтобы кости твоих родителей так и лежали на земле, пока их не растащат голодные собаки.

— Но ведь этим должен заниматься священник.

— Священник отказался, настойчиво уверяя меня в том, что твои родители умерли якобы не по правилам.

— Что?

— Ничего. Просто ему не хочется отрываться от бутылки и покидать уютную постель, где его ожидает молоденькая любовница. Поехали, солнце садится, а завтра вечером я уже хочу быть в городе.

Марта и Ванда абсолютно молча сели в седло, и остаток дороги каждая из них провела в своих мыслях.

Глава 3

Обряд похорон прошёл быстро и без излишеств. Окончив свою миссию, они оседлали коня и крупной рысью поскакали по направлению к городу. Ночь настигла их в пути, и путницы, спрыгнув с лошади,

начали выкладывать на мягкую луговую траву те остатки пищи, которые ещё можно было использовать по их прямому назначению. Доев последние крохи, Ванда подвела неутешительный итог: еды у них не осталось, но хуже этого было только то, что им нужна была ещё одна лошадь. Блейк слишком быстро выдыхался, везя двух наездниц и котёнка, постоянно шнырявшего туда-сюда и очень быстро превращавшегося в кота. Она рассказала обо всём этом девочке, и спутницы приуныли. У них не было ни денег, ни еды, ни лошади, ни даже решения, что делать дальше и как помочь знахарке, обвинённой в ведовстве. Когда они наконец-таки добрались до города, и без того острый вопрос «где взять деньги» встал здесь ребром.

После длительного пути и Ванда, и Марта еле держались в седле, но все же они нашли в себе силы доехать до участка шерифа, однако услышали они очень и очень немного. Фелиция находится под судом и обвиняется в ведовстве. На вопрос, чем ей можно помочь, им пришлось услышать довольно бесполезный ответ:

— Молитвами. Возможно, суд во главе с епископом смилостивится, но для этого она должна признать себя ведьмой, а всё своё имущество отдать церкви, — прогнусавил шериф.

Ванда, прекрасно понимая, что Фелиция никогда не согласится признать себя ведьмой, а всё имущество, которое у неё было, сгорело в пожаре, устроенным самими представителями власти, что ничем, кроме молитв, тёте не помочь, начала прощаться с шерифом, предусмотрительно умолчав о родстве с обвиняемой. На улице она встретила Марту, и они вместе отправились на поиск ночлега. Но увы! Эту, как и многие предыдущие ночи, они провели на улице, но не на мягкой луговой траве и не в тёплом стогу сена, а на каменных и холодных плитах городской площади. Ванда обняла тихо плачущую Марту и в сердцах воскликнула:

— Ну за каким чёртом быть ведьмой, если приходится ночевать на улице, не имея даже крошки хлеба, что бы поужинать!

Не успел этот крик души эхом стихнуть в длинных улицах города, как откуда-то из-под седла выпал чёрный кожаный мешочек, быстро подхваченный Мартой.

— Двадцать серебряных!— воскликнула девочка, открыв и заглянув внутрь. — Почему? Почему ты молчала об этом?! Мы мёрзли на улице, голодали, а сейчас сидим на городской площади, подобно нищим, а ты пожалела одну серебряную монету, на которую мы могли бы жить как королевы!

— Марта, послушай, я, правда, даже не подозревала о существовании этих денег, я клянусь тебе!

— Ты – лгунья! Сегодня утром мы вместе чистили и седлали Блейка, кормили Найта, и никаких денег ни в сумке с едой, ни в седле, ни под седлом, ни где-либо ещё не было! А знаешь, что это значит? А это значит, что эти проклятые деньги ты прятала у себя! Вот только я не понимаю, когда же ты успела их перепрятать?! – прокричала Марта и осеклась.— Подожди, если мы всё время были вместе, значит, ты никак не могла перепрятать деньги, я бы сразу это увидела, значит, этого мешочка там действительно не было... Боже! Ванда, да ты и в самом деле ведьма!

Ванда стояла и поражённо молчала, недоумевая, как десятилетняя девочка объясняет ей, словно неразумному дитю или упрямому старику, что это сейчас произошло не без её участия, а если сказать прямо, без её участия этого бы не произошло вовсе.

— Марта! Марточка! Знаешь, что это значит? А это значит, что моя тётя сможет спастись! Понимаешь, мы спасём Фелицию, понимаешь?

Ванда схватила Марту за руку и потащила её и Блейка к ближайшей, а возможно, и единственной существующей в этом городе гостинице.